

Александр Громов

Всем поровну

*Часть сборника
Всем поровну (сборник)*

Александр Громов

Всем поровну

«ЭКСМО»

2004

Громов А. Н.

Всем поровну / А. Н. Громов — «Эксмо», 2004

«Эх, бабье лето, бабье лето... Кому оно бабье, а у кого под боком не имеется ни бабы, ни теплотрассы, тот насчет лета шутики шутить не станет. Мерзни, мерзни, волчий хвост. И тащись, как хвост, без свободы воли, послушно обстоятельствам. Стучи осколками зубов. Вечером еще так-сяк, зато под утро стылый воздух тянет из тебя тепло, как палач жилы, упорно и, кажется, даже с наслаждением. Жухлая трава и та поседела от ужаса: зима на носу. Нет спасения. Сопревшая на теле кофта с одной пуговицей да дырявый плащ – вот и вся защита...»

© Громов А. Н., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Громов

Всем поровну

1

Эх, бабье лето, бабье лето... Кому оно бабье, а у кого под боком не имеется ни бабы, ни теплотрассы, тот насчет лета шутки шутить не станет. Мерзни, мерзни, волчий хвост. И тащись, как хвост, без свободы воли, послушно обстоятельствам. Стучи осколками зубов. Вечером еще так-сяк, зато под утро стылый воздух тянет из тебя тепло, как палач жилы, упорно и, кажется, даже с наслаждением. Жухлая трава и та поседела от ужаса: зима на носу. Нет спасения. Сопревшая на теле кофта с одной пуговицей да дырявый плащ – вот и вся защита.

Выспаться сегодня не удалось. Бетонная плита над протянутым к знакомой хрущевке отводом от теплотрассы, уже несколько месяцев сдвинутая в сторону и открывавшая лаз в блаженное тепло, оказалась уложенной на место и даже приваренной за арматурные ушки. Добились-таки своего нижние жильцы... Сколько раз гнали из-под окон, орали визгливо, травили доберманом, обливали водой, вызывали ментов, и все это были мелкие житейские неурядицы. Конечно, рано или поздно должна была случиться неурядица покрупнее...

Он не огорчился – он принял к сведению. Запасные варианты были хуже, что не замедлило проявиться на практике. «Встань и иди» – так было среди ночи сказано ему, разнежившемуся в теплом подъезде на подстилке из позаимствованных половичков. Бородач-полуночник с воспаленными от компьютера глазами вышел на площадку покурить и пинком объявил побудку. Бить не стал – побрезговал, зато не успокоился, покуда не выставил вон. Ни в коей мере не будучи Христом, Егор Суковатов не мог ответить ему: «Иди и ты», да он и не знал легенду об Агасфере.

Страдало тело, но не душа. Душа у Егора давно очерствела, иссохла и отвалилась за ненадобностью, души у него не было, а чего нет, то не способно беспокоить болью. Вот мысли – те да, шевелились. Согреться бы где-нибудь. Дождаться утра.

Дальше утра Егор не заглядывал – с рассветом ужас мироздания слабел и прятался. В девять, а то и раньше откроется приемный пункт на Мастеровой. Пивная бутылка – восемьдесят копеек. На Перовской за темную бутылку дают целый рупь, зато светлые не берут совсем. И приемщик там гад: щупает горлышки пальцами и чуть что – бракует. Зато прием цветмета там же, неподалеку. Десять копеек за жестяную банку, сплюсненную ногой в блин. Основная добыча, конечно, бутылки, а банки – приварок.

Участок, где Егор чувствовал себя относительно вольготно, был невелик. Тащиться греться в переходе у метро – и далеко, и чужие владения. Могут накостылять. Не тот возраст, чтобы самому бить и гнать конкурентов. Лучше уж не суйся, человеческий огрызок...

Если бы Егору Суковатову сказали, что ему еще только сорок восемь, он лишь бессмысленно поморгал бы в ответ. Он не знал, много это или мало – сорок восемь. Он забыл это как ненужное. Когда не идешь, а шаркаешь, когда тупая ноющая боль прописалась в нутре навсегда и к ней в гости все чаще заходит боль острая, нестерпимая, от которой кричал бы криком, если бы не разучился кричать, – вот это старость и есть. И даже эти сведения Егор помнил смутно, начиная уже забывать. Жив – и ладно. А пока ночь и под разбитыми ботами хрустит ледок, иди ищи тепло. Шаркай ногами.

Зачем? А зачем растет дерево? Для чего жужжит муха? С какой возвышенной целью колония бактерий пожирает агар-агар? Жизнь требует: живи, вот и все. Ползи к теплу.

Вот и ползешь.

Запертый подъезд. Следующий – тоже заперт. И третий, и четвертый... Егор передвигался от подъезда к подъезду, от дома к дому. Проверял и подвалы. Найдя дверную ручку – тянул. Он твердо знал, что рано или поздно найдет дверь со сломанным или просто незапертым кодовым замком, а домофонов и уж тем более консьержек на Мастеровой улице отродясь не водилось. В районе пролетариев всегда полно малолетней шпаны; не может быть, чтобы хоть один замок не был выворочен... Это было даже не мыслью – смутным ощущением. Инстинкт приказывал: ищи. И Егор искал.

Некому рассказать, сколько прошло времени, прежде чем он, временами останавливаясь, чтобы переждать резь в кишках, пререместился от одного конца короткой улицы до другого по правой стороне, а затем вернулся по левой, нигде не найдя отпертой двери. Инстинкт соврал. Вероятно, во всех близлежащих подъездах недавно поставили новые замки, до которых еще не добрались местные гопники, но этот вывод был непосильно сложен для Егора. Полуатрофированный мозг отметил одно: заперто. Холод донимал уже совершенно садистски. Проклятая ночь и не думала кончаться. Мертво, негреюще светили оззябшие фонари на торчащих глаголях. Примороженные к небу звезды в ужасе глядели на стекленеющий внизу мир. Ни кошек, ни собак – все попрятались. Лишь слева от Егора за бетонным забором грохотал и лязгал железнодорожный узел, там катились с горки вагоны да временами кричал что-то по громкой связи сердитый женский голос. Звали тетку Клавкой, и была она толстая и рыжая, с жирно окрашенными губами. Егор никогда ее не видел, но иной она просто не могла быть.

Главное, тепла там не водилось и водиться не могло. Справа светились огни автозаправки. Тепла там было в избытке, но кто же пустит ночевать бомжа? Если где-то и сохранились толстовцы, то на заправках они не работают, это точно...

Все же Егор свернул направо. Быть может, потому, что ближайшая станция метро находилась в той же стороне, а скорее всего потому, что так велел инстинкт. До метро Егор вряд ли добрел бы.

И инстинкт не подвел. Инстинкт вывел на захламленный пустырь, где под ноги немедленно подвернулась старая автопокрышка. Егор едва сохранил равновесие и тут же споткнулся о еще одну. Ба, да тут была настоящая свалка разнокалиберных покрышек и рваных, негодных камер! Топливо! Жизнь!

Мыслей не было уже совершенно – тело работало, как дурно смазанный, разладившийся, но все-таки еще не до конца сломанный автомат. Прежде всего надо было найти относительно сухую растопку, что Егор и сделал, доковыляв до мусорного бака. Подобранная вчера на асфальте дрянная зажигалка, наполовину еще полная, никак не желала давать язычок огня. Подышал, согрел в ладонях, ссадил о колесико кожу на заскорузлом пальце – зажглась! Нехотя занялся клок оберточной бумаги, от него дала огонь и вонь камера тонкой резины – от «Оки», наверное. Еще несколько минут томительного ожидания – и языки пламени побежали по покрышке.

Егор блаженствовал. Усевшись на другую покрышку, он грелся, ничуть не замечая смрадной копоты, и выражал удовольствие стонами и ворчанием. Жизнь начинала удаваться. Если бы подлый враг, сидящий в животе, не резал кишки изнутри, было бы совсем замечательно.

Никто не гнал Егора, да и кто мог бы согнать? Милицейский патруль? По своей инициативе? Ха-ха. Станет он пачкаться о бомжа, с которого нечего взять. Притом бомж никому не мешает: жжет резину на свалке, где ему, собственно, и место, а вокруг пустыря никаких жилых домов, одни унылые заборы, которым все равно, коптят их или нет. Сиди, млей в тепле, моргай на огонь.

Как все счастливы, Егор не наблюдал часов. Когда небо на востоке начало понемногу бледнеть – от холода, наверное, – покрышка уже догорала, рдея багряным мотком обнажившегося корда. Пожалуй, можно было посидеть в неподвижности еще немного, прежде чем с неизбежностью подняться и доволочь до костра новый резиновый бублик...

Тут-то все и произошло. Совершенно неожиданно и без видимой причины.

Неожиданности Егор инстинктивно делил на два вида: идущие на пользу и идущие во вред. Вторых всегда было больше, но случались и первые: раньше конкурентов обнаружить батарею пустых бутылок возле парковой скамеечки, найти на свалке почти целый пиджак, скоротать в тепле морозную ночь. Если кишки несколько часов подряд не сводит судорогой – это тоже приятная неожиданность. А неожиданности, так сказать, нейтральные, ни в плюс и ни в минус, лучше всего вообще не замечать, не стоят они того.

В первую минуту неожиданность показалась неприятной, даже опасной, во вторую – нейтральной. Что-то внезапно хлопнуло над головой, как хлопает разбившаяся лампочка, резко, но несильно. Тем не менее Егор отреагировал – склонился набок и, искосырившись, глянул вверх.

Бледно-лиловое кудрявое облачко, чуть заметно светящееся внутренним светом, нависало над головой, вспухая и разрастаясь, как обыкновенный клуб дыма. Вроде безопасно... То ли петарда хлопнула, то ли это фейерверк такой... Егор с усилием покрутился вправо-влево, обозрел панораму. Никого не наблюдалось ни на пустыре, ни возле. Ни души. А значит, явление, по-видимому, относилось к безопасным...

Он остался на месте. Очень скоро лиловатое облачко, распухая и быстро теряя яркость, достигло его носа. Ничем особенным оно не пахло, во всяком случае с такой силой, чтобы перебить вонь горелой резины и собственный запах Егора. У него лишь защеботало в носу, он чихнул и надолго скорчился от нутряной боли.

Боль грызла зло, как всегда, и долго не хотела отпускать. Разгорался рассвет, догорал костер. Отмаявшись, Егор пробурчал под нос что-то невразумительное, разогнулся, насколько мог, хотел было привстать, да так и остался сидячим истуканом: рот полуоткрыт, голова набок, в гноящихся глазах – испуг и недоумение. Недоверчиво прислушался к новым ощущениям.

Внутри его что-то происходило.

Впоследствии было много споров о количестве «точек проникновения», «проколов метрики», «координат впрыска» и как там это еще называлось. Обилие выдуманных терминов все же не шло в сравнение с числом самих точек: от тысяч до десятков тысяч, по мнению большинства исследователей. Распределились они (не исследователи, а «проколы») по земной поверхности вполне хаотически, и надо думать, что подавляющая их часть пропала без толку над мировым океаном, однако и на сушу хватило с избытком. Достоверно известно, что на территории Москвы возникла всего одна «точка проникновения», в Питере их не оказалось вовсе, тогда как жители населенного пункта Пошехонье-Володарск обрели аж две. Само собой, жители берегов Невы острили о пошехонцах и особенно о москвичах, что-де «им нужнее», а в общем пытались прикрыть острогами обыкновенную зависть.

И зря. Никакой почвы для зависти не имелось. Всем и каждому, начиная от нобелевского лауреата и кончая слабоумным дауном из Восточной Африки, почем зря позорящим славное племя хуту, досталось сколько нужно, а лишнее не пошло впрок, выдыхаясь вместе с углекислотой, вычихиваясь и распространяясь традиционным для инфекций воздушно-капельным путем. С той, однако, разницей, что, в отличие от бацилл, частицы таинственного тумана вовсе не собирались гибнуть вне организма и охотно разносились ветром, вовсе не теряя своих свойств. Прошли считанные дни, а для самых невезучих недели – и всем досталось поровну.

Даром.

Никто не ушел обиженным, да и уйти, по правде говоря, было некуда, разве что заживо похоронить себя в подземном убежище с очищенным через молекулярный фильтр воздухом. Впрочем, противников принципа «дают – бери» оказалось немного, а тех, кто располагал при этом подземным бункером, и того меньше. Разумеется, кое-кто из надыхавшихся полагал себя обделенным уже вследствие того, что получил ровно столько же, сколько и другие, однако не будем говорить о рвачах, не стоят они того.

По Электродной улице, прямой и серой, как сварочный электрод, Егор двигался в сторону метро. В рваной кошелке, служившей прежде временным хранилищем найденной стеклопосуды, помещались извлеченные из какого-то по счету мусорного бака ветхие брюки, потерявшая первоначальный цвет футболка и почти приличный пиджак, разве что не в цвет брюк и с прорехой под мышкой. Пяток обнаруженных попутно бутылок Егор прикопал пока в куче прелых листьев – подождут. У него было дело, не терпящее отлагательств.

Каменный срам статуй принято прикрывать фиговым листом – серая промзона попыталась отгородиться от более приятных на вид благ цивилизации овальным прудом, выкопанным невесть когда и зачем. Одна полудуга овала едва не упиралась в каменную нору метрополитена; другая, утонувшая в зелени кустов и корявых деревьев, исстари служила местом распития недорогих напитков и бесплатным туалетом. Туда и ковылял Егор, оставив на время мысль о тепле подземных хором. Ему и без того было жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.